

Алексей Варламов

Душа моя Павел

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ

Душа моя Павел

Роман взросления

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В18

Художественное оформление *Ирины Сальниковой*

Варламов, Алексей Николаевич.

В18 Душа моя Павел : [роман] / Алексей Варламов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 381, [3] с. — (Проза Алексея Варламова).

ISBN 978-5-17-107610-8

Алексей Варламов — прозаик, филолог, автор нескольких биографий писателей, а также романов, среди которых «Мысленный волк». Лауреат премии Александра Солженицына, премий «Большая книга» и «Студенческий Букер».

1980 год. Вместо обещанного коммунизма в СССР — Олимпиада, и никто ни во что не верит. Ни уже — в Советскую власть, ни еще — в ее крах. Главный герой романа «Душа моя Павел» — исключение. Он — верит.

Наивный и мечтательный, идейный комсомолец, Паша Непомилуев приезжает в Москву из закрытого секретного городка, где идиллические описания жизни из советских газет — реальность. Он чудом поступает в университет, но вместо лекций попадает «на картошку», где интеллектуалы-старшекурсники открывают ему глаза на многое из жизни большой страны, которую он любит, но почти не знает.

Роман воспитания, роман взросления о первом столкновении с реальной жизнью, о мужестве подвергнуть свои убеждения сомнению и отстоять их перед другими.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107610-8

© Варламов А.Н.

© ООО «Издательство АСТ»

Оглавление

ПРОХОДНОЙ БАЛЛ

Мечтателен и глуп	9
Братство непоступивших	14
Нянечка	18
Всё по-честному	25
Апелляция	29
Пашино сочинение	36
Произвол	40
Тубус, святцы и антисемит	44
Пролетные гуси	50
Кубик Рубика	59
Судья всегда прав	68
Шпана электроугольская	74
Драка	78
И тогда ты меня полюбишь?	84
Политэкономия социализма	95
Сестрица Аленушка	101

Содержание

ПОЕДИНОК

Храни себя, СССР!	106
Авгуры	110
Сатисфакция	116
Подмена флага	123
Частушки	130
Глокая куздра	135
Не ешь пирожок...	141
Автор «Слова»	146
Литораль	154
Аж пивны запылы	165
Бабал	174
Обижать нельзя	180
Недоразумение	184
Смерч	191
Воздвиженье	198
Отель «Калифорния»	202
Шанс	212

ИНИЦИАЦИЯ

Сумасшедший алмаз	221
Мыслительный волк	226
Цветочная группа	233
Мандрагора	238
Прохор Годяев	248
Лазарет	257
Девятнадцатое	265
Копалкин блюз	276
Уколы	282
Фольклорная практика	286
Восстание масс	294

Содержание

Свечечка и серпик луны	303
Церковнославянский	312
Приворот	319
Как поймать рыбу	324
Повторная апелляция	330
Волчье вымя	334
Возвращение	339

ПРОЩАЙ, МОЙ ПРЕКРАСНЫЙ

Жаль, что тебя здесь нет	344
Фант, Халле, Якобсон	352
Бабочка и верблюды	356
Крестный отец	360
Спецпропаганда	371
Троллейбусы и трамваи	377

Проходной балл

Мечтателен и глуп

Павлик Непомилуев, малообразованный рослый юноша с обильными прыщами на пухлом беззаботном лице, томился в очереди за документами, которые месяцем ранее сдавал в приемную комиссию филфака МГУ. Очередь была разнолика, невесела, тревожна, и косолапый, одетый в новенький коричневый костюм с золотыми пуговками Павлик казался случайно затесавшимся в нее человеком. Он не выглядел ни подавленным, ни делано равнодушным; поначалу терпеливо стоял и глазел по сторонам, ковырял в носу, сморкался, что-то бормотал, напевал, но не потому что нервничал или таился, а потому что долго стоять на одном месте Непомилуеву было скучно и к очередям он не привык. Со стороны это всё выглядело чудновато. Так ведут себя плохо воспитанные дети, записанные на прием к врачу или при поступлении в школу, но никак не в лучший университет страны, однако

Павлик смотреть на себя извне не умел, зато с любопытством рассматривал несчастных абитуриентов и их родителей. Очередь двигалась неспешно, точно каждый в ней еще надеялся, что произошло недоразумение и за дверями случится чудо, там одумаются, извинятся и исправят ошибку. Но чуда не происходило. Мальчики и девочки выходили, ни на кого не глядя, понурые, постаревшие. Это было их первое жизненное поражение, удар по самолюбию, крушение надежд, утрата веры в себя, страшное чувство одиночества, вины и несправедливости, которое закалит или сломает, но рубец от него останется навсегда. Павлик с нежностью смотрел на своих братьев и сестер и думал о том, что если бы мог, то обнял и утешил бы каждого, с кем провел как в бреду четыре вступительных экзамена; но Пашины товарищи по несчастью торопились скорее уйти, и Непомилуеву было грустно осознавать, что больше он их не увидит. Он и поступить в университет хотел не только для того, чтобы в нем учиться, а чтобы оказаться среди хороших людей и с ними подружиться, он о студенческой жизни мечтал, и за себя ему обидно не было. Что ж, не поступил, и не поступил, а вот ребят было жаль. Кому-то не хватило двух баллов, кому-то — одного, а кто-то и вовсе недотянул совсем чуть-чуть.

«Если бы это зависело от меня, — подумал Павлик, — я бы организовал две команды — поступивших и непоступивших. И пусть бы они соревновались, и неизвестно, кто еще победил бы».

Когда Павлушина очередь приблизилась, он отошел в самый конец, чтобы подольше побыть на дежурном этаже: ему нравилось находиться среди этих

Проходной балл

замечательных молодых людей, а самому ему идти было некуда, и ехать домой он не торопился, потому что никто его дома не ждал.

Павликов дом находился далеко от Москвы, в городе, который не значился в справочниках и расписаниях, хотя железная дорога к нему вела — каждый день приходил секретный пассажирский поезд и несть числа грузовых составов. Там был построен экспериментальный аэродром, и несколько раз в неделю садились необъявленные гражданские самолеты из московского аэропорта Быково и военные борта из неведомых мест. Сам город и примыкавшую к нему большую, заросшую смешанным лесом территорию окружали по всему периметру контрольно-следовая полоса и высокий бетонный забор с тремя рядами колючей проволоки, а название его менялось так часто, что жители не успевали за этими переименованиями следить и звали между собой Пятисотым по имени большого подземного завода, где почти все и работали. Они вообще были особенные люди. Долгие годы их никуда за стену не выпускали, если только не случалось какого-нибудь несчастья — например, умирала у человека мать. А вот если умирал отец, то хоронить отца не отпускали. Потом разрешать выезжать нехотя стали, но под угрозой самого ужасного наказания жители Пятисотого не имели права никому, даже самым близким родственникам, рассказывать о том, где живут и работают. А самым страшным наказанием стало бы для них изгнание, потому что жилось в таинственном городе так хорошо, как, наверное, нигде в прекрасной Пашиной стороне. В этом городе было не страшно ходить по улицам и днем и ночью,

родители повсюду отпускали детей и никто не закрывал двери на ключ, а жили каждый в своей квартире и что такое общая кухня — не знали; магазины в Пятисотом изобиловали продуктами и товарами, которых за стеной не видали; здесь были просторные чистые улицы и бульвары, прекрасные школы, библиотеки, бассейны, спортивные залы, во Дворце науки выступали умнейшие люди и проходили великолепные любительские концерты. Это было едва ли не самое сытое и благоустроенное место во всем СССР, но Павлик этой сытости и устроенности ценить не умел и любил большую, неведомую ему страну сильнее, чем свою секретную родину, потому что в его годы всё дальше кажется милее и привлекательнее ближнего.

Он был с малых лет мечтателен и глуп и на стене у себя повесил физическую карту Советского Союза, которую мысленно исходил и изъездил, по-хозяйски размышляя о богатствах ее недр, любуясь и гордясь красотой и протяженностью ее напряженных границ, переливами зеленого равнинного и горного красного цвета от запада к востоку и от севера к югу, голубизной ее великих озер и внутренних морей, извилами вольных рек, изрезанными линиями океанского побережья, причудливыми цепочками островов, полярными льдами, пустынями, солончаками, архипелагами и полуостровами; ему нравилось вглядываться в маленькие цифры, обозначающие высоту ее снежных пиков и вулканов, глубину морских и озерных впадин, он любил все ее города, поселки, села и деревни и однажды попросил отца:

- А покажи мне наш город на карте.
- Его там нет, — ответил лейтенант.

Проходной балл

— Как это так? — удивился Павлик.

— Никто не должен о нашем городе знать.

— А почему?

— Потому что наш город — это самое важное, что есть в нашей стране.

— Важнее, чем Ленинград?

— Важнее.

— Главнее, чем Москва?

— Главнее, сын, — сказал отец очень серьезно, и мальчик догадался, что больше ни о чем спрашивать нельзя. Ни отца, ни тем более кого-нибудь другого. И если он слышал в дальнейшем непонятные вещи, то, как ни томило ребенка природное любопытство, он молчал, отчего его внутреннее недоумение, смешанное с гордостью, скапливалось в душе как особенный материал.

«И всё-таки странно, — думал Павлик. — Как может быть на свете то, чего нет на карте? А может быть, нашего города просто не существует?» Просыпаясь, он первым делом подбегал к окну проверить: всё ли в городе на месте? Но ничто не исчезало: ни заповедный лес, где зимой катались на лыжах, а летом просто гуляли, но ягоды и грибы не собирали; ни красивое искусственное озеро, на которое можно было бесконечно смотреть, но ни купаться, ни ловить рыбу в нем не разрешали; ни разноцветные двухэтажные и одноэтажные домики, в которых жили инженеры и ученые; ни стадион, а еще дальше, если поднять глаза, — тайга и темные горы на горизонте. Всё было на месте, и только на карте не значилось ничего, но иногда над городом зависали светящиеся шары оранжевого цвета, и в такие ночи отец не возвращался домой.

Когда Павлик подрос, он стал украдкой ходить к стене, ища в ней брешу, но стена была построена надежно, как и всё, что в Пятисотом делалось. Глядя на нее, Павлуша испытывал странное чувство тревоги, стесненности и острого, непонятного томления: что там, сразу за бетонной оградой?

— Да ничего там интересного нету, — привычно отвечала мать, куда не умерла: в Пятисотом порой случалось, что скоропостижно умирали совсем не старые женщины, и после внимательного исследования их хоронили в закрытых гробах. — Так же люди живут, только дольше и скучнее, чем мы.

Братство непоступивших

После двенадцати лет Павлушу стали выводить вместе с другими детьми к далекому южному морю. Оно немного нравилось ему своим запахом, меняющимся цветом и той волнующей, иногда четкой, а иногда размытой линией на горизонте, где из воды возникало небо, но еще больше Павлик любил долгую дорогу через половину страны, и, хотя большинство детей ею тяготилось и изнывало от замкнутости пространства и однообразия железнодорожных впечатлений, Непомилуев принимался томиться тогда, когда путешествие заканчивалось, и все дни на берегу скоро наскучивавшего водного пространства ожидал дороги назад. В поезде он выучивал наизусть расписание, и названия больших и малых городов, через которые они проезжали, кружили ему голову, он не отходил от окна, просыпался ночами на больших станциях

и мечтал сойти и затеряться где-нибудь на дорогах великой страны.

«Почему мы ездим только к южному морю? — думал Павлик. — А есть еще северные моря, и западные, и восточные». Они манили его все, и больше всего Непомилуев боялся, что однажды стена затворится. Будучи мальчиком скрытным, он никому об этом страхе не рассказывал, кроме одного худо одетого светловолосого паренька с оттопыренными ушами, своего соседа по общежитию, который поступал на факультет словесности. Паренек был дальним Пашиным земляком и о Пятисотом кое-что слышал.

— Это у тебя, наверное, клаустрофобия, — рассудил он. — А у нас, наоборот, все мечтают за вашу стену попасть. Хотя бы одним глазком поглядеть.

— Зачем? — насторожился Павлик, которого, как и всех жителей, с детства учили быть начеку, потому что в город стремятся проникнуть шпионы и диверсанты.

— У вас же там коммунизм, — ответил паренек простодушно. На лазутчика он никак не походил, хотя, может быть, именно такие непохожие, лопухие и были настоящими диверсантами.

— А у вас? — спросил Павлик.

— А у нас очереди за молоком. Говорят, мы потому и голодаем, что вы хорошо живете.

— А у нас — наоборот, — частично разоружился перед земляком Непомилуев. — Что мы всех защищаем и когда начнется война, то самыми первыми погибнем, но ответить успеем, а вы за нас дальше жить будете.

— И то, наверное, правда, и это, — заключил паренек философски.